

Два письма. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

Два письма. Василий Макарович Шукшин

Человеку во сне приснилась родная деревня. Идет будто он по берегу реки, бросает камешки в воду. В том месте реки – затон. Тихо-тихо. Никого – ни одной живой души вокруг. Деревня рядом, и в деревне как померло все. «Что же это такое – никого нет-то?» – удивился человек. И еще бросил камень в воду. Он беззвучно пошел ко дну. Человек еще бросил – большой. Камень без звука утонул. Человека охватил страх: «Что-то случилось», – подумал он.

И проснулся. И стал вспоминать. Деревня... Лет десять не был он там, а то и больше... Вспомнились серые избы, пыльная улица, крапива у плетней, куры на завалинке, покосившиеся прясла... А за деревней – степь да колки. Да полыхает заря в полнеба. Попадают еще небольшие озера; вечерами вода в них гладкая-гладкая, и вся заря – как в зеркале. Любилось сидеть на берегу этих маленьких озер, ни о чем не думалось... Только в душу с тишиной вместе вкрадывается беспокойно-нежное чувство ко всему на свете. Грустно немного, но кто-то будто шепчет на ухо, чуть слышно: подожди, подожди, дружок.

Далеко-далеко проскачет табун лошадей в ночное, повиснет над дорогой в воздухе полоска пыли и долго держится. И опять тихо. Что за тишина такая на земле! Стихи складывались:

... Тихо в поле,
Устали кони.
Тихо в поле – зови, не зови...
В сонном озере, как в иконе,
Красный оклад зари.
Заря медленно гаснет. Как будто остался ты на земле совсем-совсем один. Не страшно, не одиноко... Только упрямо и беспокойно лезет в голову:

...Не хочу понять:
зачем явился?
Не могу понять:
зачем я есть?
Человек попытался заснуть и не мог. Он потихоньку, чтоб не разбудить жену, встал, надел пижаму, пошел в другую комнату, включил свет и сел к столу. И глубоко задумался.

– Эх ты, черт возьми, – бормотал он. – Что-то не того... Старую, что ли?

Было невыносимо грустно, чего-то жаль было чуть не до слез. Не сбылось как будто то, что мерещилось тогда, давно, на берегах крохотных тихих озер...

Человек – его звали Николай Иванович – достал бумагу и сел писать давнишнему своему другу.

«Друже мой, Иван Семеныч! – начал он. – Здорово! Захотелось вот написать тебе. Увидел сейчас во сне деревню нашу и затосковал. Сажу вот и пишу ночью, как Бальзак. Вспомнил я, как мы с тобой институты окончили. Помнишь? Приехали с дипломами... Последний разок побывать на родине. Нарядились, как эти... черт-те знает кто! На мне белая какая-то заграничная рубашка, ты зачем-то матроску напялил. Шли по улице – два пижона. А пора была страдная. Я помню, встретился нам Минька Докучаев на вершнях, остановились, поздоровались. Он грязный весь – ни глаз, ни рожи, как говорят, ехал в кузницу пилу от жнейки заклепывать. Закурили. А говорить не о чем. Чужие какие-то с ним стали. Помялись-помялись, он уехал, а мы пошли за деревню – прощаться с местами, где когда-то копны возили, сено гребли, телят пасли, боронили... Прямо чуть не бегом бежали прощаться с тем, что нас вспоило и вскормило. Вспомнил вот Миньку, и сейчас стыдно. Для чего мы так вырядились-то тогда? У людей самая пора горячая, а мы как два оглоуда... А тогда – ничего, как так и надо. Шли прощаться! Экие, понимаешь, запорожцы за Дунаем! У меня в кармане бутылка белого, у тебя – портвейн. Один стакан на двоих. Сели у межи, под березками, выпили... И давай хвастаться – какие мы умные: институты кончили, людьми стали! Я свои стихи дурацкие читал, а ты, помню, стал даже на руки и прошелся. И потом долго колотил себя в грудь кулаком и доказывал: „Ты подумай: отцы-то наши кто были?! Кто? А мы – инженеры!“ Еще выпили. И опять

Два письма. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru хвастались. Господи, как хвастались! Очень уж нас распирало тогда, что мы первые из деревни высшее образование получили. И плясали-то мы с тобой, и пели... А рядом рожь несжатая стояла. А нам – хоть бы что. Я даже в нее бутылку порожнюю запустил и, помню, подумал: „Будут жать жаткой, она, голенькая, заблестит на стерне. И кто-нибудь, тот же Минька, подумает: „Пил кто-то“. Потом спали мы с тобой. Проснулись, когда уже солнце садилось. Заграничная моя рубашка, как в ж... побывала. Голова болела, и совестно было. Наорали чего-то, натрепались. Я помню, ты мне в глаза не смотрел, и мне тоже не хотелось. Все это я почему-то очень хорошо помню...”

– Коля!

– Ну?

– Чего ты?

– Так... Спи.

– Я думала, ты ушел куда.

– Нет, спи.

«...Жена проснулась. Сытая лежит, толстая, прости меня Господи, грешного, и несет, как от парфюмерной фабрики. Вот такие-то дела, Ваня. Грустно мне что-то сделалось. Может, зря мы тогда радовались-то? Вот прошло уж... сколько теперь? Лет восемнадцать? А я их как-то и не заметил. Толстел год от года. Жену упрекаю, а сам – хоть поставь, хоть положи, в дверь не пролезаю. Курорты, понимаешь, санатории... А жизни как-то не успел порадоваться. Дети растут, но радости большой не доставляют, честно говоря. Сильно уж они сейчас много знают, бойко так рассуждают про все. По-моему, мы лучше были. Может, это старческое у меня, не знаю. Ты-то как? Написал бы когда. А то так вот хватит инфаркт, и все. Съехаться бы как-нибудь, а? Хоть вспомнили бы детство, понимаешь. Ведь есть что вспомнить! А то – работа, работа... всю жизнь работаем, а оглянуться не на что. Напиши как-нибудь, выбери время. Одиноко мне стало вдруг, никто не поймет, как ты. Да и тебе, наверно, несладко? Ну – главный инженер, ну... – черт с рогами, а – что дальше? Ты понимаешь? Ну ресторан, музыка – как гвозди в башку заколачивают, – а дальше-то что? Это называется: вышли в люди? Да... мать твою так-то! Я вспомню, как мы картошку в ночном пекли, на душе потеплеет. Вернуться бы опять туда, в степь: костерик, рассказы про чертей... Эх, Ваня, Ваня... Не зря мы с дипломами-то прыгали? А? Как думаешь? Или – все нормально? Может, у меня уж тихая шизофрения началась? У тебя бывает так или нет? Честно только. Куда летом-то едешь? В Гагры вшивые? Я эти Гагры уже не могу видеть. Но попробуй заикнись, что хочу, мол, в деревню к себе поехать. Что ты! Истерика. Но я все-таки подниму нынче восстание – будь что будет. Поеду в деревню. Не могу больше. Поедем? Давай спишемся – и махнем. Черт с ними, пускай едут в Гагры, а нам надо в деревню съездить. А то грех какой-то лежит на душе. Не исповедь это, а просто душа просит. В общем, неважнецки я живу, Иван. Так вроде все нормально, на работе хорошо, а – нет-нет – засосет что-то, тоска обуюет, как сейчас вот, – и все охота послать к черту. Напиши, Иван, прошу. Адрес у меня теперь другой – улучшение! Голый рукой не возьмешь. Жду.

Николай».

Николай Иванович погасил свет, снял пижаму и подвалился к жаркой жене. И долго еще не мог заснуть. Думал: «Письмо сгоряча накатыл бестолковое. Надо завтра на службе выбрать время, переписать. А то подумает, действительно... первая стадия началась».

На службу, как всегда, Николай Иванович пришел тютелька в тютельку: без пяти десять. Выбранный, свежий, хотя в голове немного шумело: пришлось вчера хватить снотворного. Шел по коридору, привычно здоровался, улыбался... Ему тоже улыбались. Кого-то остановил, что-то спросил, кто-то его спросил, он ответил. Ответил коротко, толково. Его уважали на работе. Миленькая секретарша привстала, ослепительно улыбнулась. Мелькнуло в голове: «Красивая женщина, черт возьми». Впрочем, эта мысль у него мелькала, кажется, каждое утро.

Два письма. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Ну, что тут у нас?

– Значит, первое: звонили...

Звонили, требовали, просили, умоляли, предупреждали... Понеслась душа в рай! Одно чувство сменялось другим. То: «Послушайте! Я ведь с вами не буду в казаки-разбойники играть! Я последний раз предупреждаю!» То: «Милый, родной... что же я могу сделать? Ну подумай: что? Если бы от меня зависело...» То: «Понимаю, все понимаю. Чтобы лишнего на себя не брать: к двадцать восьмому. А? Железно! Железно, как у меня главный говорит. Приложим все силы, не подведем». Но больше нравилось: «Послушайте! Мы ведь с вами не в драмкружке – не „Отелло“ репетируем. Не клянитесь мне, я не верующий. Мне нужен ма-те-ри-ал! Все!» Еще нравилось: «Ну?.. Так... А что делать? Я тоже не знаю! Не знаю! Да что докладные? У меня столы ломаются от докладных. Я что, вместо подшипников буду ваши докладные вставлять? Попробуйте, может, у вас выйдет. Не знаю. Где хотите».

Деловой вихрь закрутил Николая Иваныча, он про ночное письмо забыл. А утром, уезжая на работу, захватил его.

Сейчас было не до письма. Пришли корреспонденты из областной газеты.

– Да ведь что, товарищи?.. Хвалиться особо пока нечем. План выполняем... да, но... – Четыре шага по мягкому ковру в одну сторону, четыре – в другую, остановка перед корреспондентами, улыбка, которая помогала ему всю жизнь. Недоброжелатели говорили про его улыбку: «Улыбочка-выручалочка». Обаятельная, простецкая – весь человек тут как он есть. – План планом, а силенок хватит и на большее. Если не секретничать перед вами, то в ближайшем будущем думаем слегка перевалить за сто десять – сто пятнадцать. Думаем тут «схимичить» кое-что: продлить линию, не стопоря ее. Да. Расчеты есть, люди горячие, в бой рвутся – одолеем.

Поснимался немного за столом, прошли в цех – там снимались. Только там Николай Иваныч больше с рабочими и с мастерами говорил. Потом и совсем «сбагрил» корреспондентов главному инженеру, пришел опять в кабинет.

– Звонил Дмитрий Васильевич. Я сказала: в цехах.

– Соедините.

Разговор с Дмитрием Васильевичем получился хороший. На душе совсем повеселело.

Первый поток посетителей и звонков схлынул.

– Верочка!

– Да, Николай Иваныч?

– Меня пока нет. В цехе.

– Хорошо.

Николай Иваныч достал ночное письмо, повертел в руках, подумал... и сунул обратно в карман. Стал писать другое.

«Иван Семеныч! Здорово, старик! Вспомнил вот, решил написать! Как жив-здоров? Как работенка? Редко мы что-то пишем друг другу, ленимся, черти! У меня все нормально. Кручусь, верчусь... То я голову кому-то мою, то мне – так и идет. Скучать некогда. В общем, не унываю. Куда думаешь двинуть летом? Напиши, может, скооперируемся! Была у меня мысль: поехать нам с тобой в деревню нашу, да ведь... как говорят: не привязанный, а визжишь. Жены-то бунт поднимут. А деревня частенько снится. Давай, слушай, махнем куда-нибудь вместе? Только не в Гагры, ну их к черту. На Волгу куда-нибудь? Ты прозондируй свою половину, я свою: соблазним их кострами, рыбалкой, еще чем-нибудь. Остановимся где-нибудь в деревушке на берегу, снимем хатку... А? Давай, старик? Ей-Богу, нескучно будет. Подумай. Настрой у меня боевой, дела двигаются, дети растут. В общем, железно, как у меня главный говорит. Не хандри, дыши носом!

Пиши на завод – лучше.

Два письма. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Обнимаю. Твой Николай».

- Верочка!
- Да, Николай Иваныч!
- Я у себя.
- Хорошо.

И опять пошло: «Я не разрешаю!..» «Пожалуйста! Приветствую, только приветствую!»
«А вот тут надо подумать. Тут с кондачка не решишь. Посоветуемся».

..Вечером Николай Иваныч, пока готовился ужин, перечитал в своей комнате оба письма. Перечитал и долго-долго сидел молча. Потом бросил оба письма в стол и громко сказал:

- А черт его знает – как?
- Что ты? – спросила жена.
- Да так... я с собой. Как ужин?
- Сейчас будет готов. Ты ничем не расстроен?
- Нет, все в порядке. Подай газеты, пожалуйста.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!